

ОПАСНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

КОГДА пустуют кресла, достаточно установить этот прискорбный факт, и отпадет надобность во всех остальных аргументах, свидетельствующих не в пользу театра. Ну, а как поступить, если аншлаги? Достаточно ли этого, чтобы быть уверенным в подлинном благополучии? По аналогии, кто-нибудь из шутников, идя от противного, возможно, и будет на этом настаивать. Тем более что деятельность театральных коллективов до сих пор оценивается прежде всего с точки зрения их материальной рентабельности. А так как прошлый и нынешний сезоны знаменательны почти повсеместными аншлагами, над этим вопросом можно бы призадуматься. Липецк и Орел, Ленинград и Брянск, Киев и Белгород, Харьков и Курск, Калуга и Тула, Свердловск и Москва, Псков и Челябинск, Львов и Иваново... Список этот можно было бы и продолжить. В нем — лишь некоторые из городов, где автору этих строк довелось стать свидетелем аншлагов. Вряд ли нужно в этой статье останавливаться на спектаклях, которые заслуженно пользовались успехом. Не стоит, думается, также объяснять, почему комедийные спектакли или детективы, поставленные порой на довольно скромной драматургической основе, показывались часто и с успехом. Куда интереснее представляется триумф не одной какой-то пьесы, а целого театра. Среди множества других, виденных за последние годы, заслуживает особого внимания Свердловский драматический театр. Это один из наиболее крупных театральных коллективов страны. «Остров Афродиты», «Цветы живые», «Иркутская история», «Потерянный сын» — четыре спектакля из восьми, выпущенных здесь и виденных мной в прошлом сезоне. (Кроме названных, театр показал еще «Власть тьмы», «Зерно риса», «Верю в тебя», «Опасный возраст»).

Прежде всего, обратите внимание, среди этих пьес вы не найдете ничего для себя нового. А ведь именно здесь, в Свердловске, впервые пошли «Мать» К. Чапека, «Филумена Мартурано» Эдуардо Де Филиппо, «Чудак» Н. Хикмета. Здесь же получил свое творческое крещение драматург А. Салынский.

Уже почти закончила свое победоносное шествие «Иркутская история», когда в Свердловске напех готовилась премьера. Не думайте, пожалуйста, что в коллективе не знали об этой пьесе: просто она не заглянула руководителя театра опытного режиссера В. Битюцкого. Что же, такой театр и такой руководитель вправе про-

явить самостоятельность и смелость, не только принимая к постановке никому не известную пьесу, но и отказываясь от работы над произведением, имеющим даже такую популярность, как пьеса А. Арбузова.

«Самостоятельность, смелость?» — спросите вы. — А как же тогда состоялась премьера? Очевидно, театр, не согласившись с мнением своего руководителя, пригласил для постановки другого режиссера, влюбленного в эту пьесу?..

Нет, ничего подобного не произошло. «Иркутскую историю» в Свердловском театре поставил... В. Битюцкий.

Но это, так сказать, закулисная сторона дела. Посмотрим, что же получилось на сцене? С самого начала создалось впечатление, что актеры играют в чужих декорациях. А после окончания спектакля выяснилось, что нам это вовсе не показалось. Действительно, оформление художника М. Улановского создавалось не в Свердловске, а в Челябинске, не с В. Битюцким, а с А. Добротным. Вот почему оно там, возможно, и было уместно, вот почему оно здесь не годилось.

Таким образом, само по себе вполне уместное для пьесы А. Арбузова оформление М. Улановского ничего общего не имело с тем спектаклем, который ставил В. Битюцкий. Ну, а как же артисты? У них есть текст, режиссер помогает найти характер, строит мизансцены — и спектакль готов. Он пользуется успехом и даже волнует. «Так против чего же вы, собственно говоря, возражаете?» — слышу я недоуменный вопрос оппонентов.

Да против того, что актеры сыграли пьесу Арбузова банально, что она не сделала их богаче.

Хор был сам по себе. Его принарядили, его выстроили, но к самой истории, о которой рассказывает В. Битюцкий, он прямого отношения не имел, ибо хор надо было решать вместе со всем образом спектакля. С образом? Да, помилуйте, может ли об этом идти речь, когда даже режиссер и художник говорят на разных языках, когда, по мысли В. Битюцкого, все сцены Вальки, Сергея и Виктора просятся в маленькую, тесную комнату? А в таком случае не нужны «свидетели из хора», они даже мешают...

Если при постановке «Иркутской истории» режиссер был мучим сомнениями, то «Цветы живые» Н. Погодина В. Битюцкий ставит с чистой совестью. Но смотреть этот спектакль было очень трудно. Композиционная рыхлость, многообразие, отсутствие основной мысли — все это привело к тому, что окончания спектакля смогли дождаться далеко не все зрители. Невозможно понять, во имя чего Свердловский театр поставил эту пьесу? Что он хотел «сказать этой работой»?

Думается, и здесь не последнюю роль сыграли постоянные аншлаг. Ведь в городе, насчитывающем около восьмисот тысяч жителей, всего один драматический театр. Ему незначительно бороться за зрителей: они все равно вынуждены будут прийти на его спектакли. Но разве для настоящего художника главное — знать, что картина его уже продана? Разве не важнее быть уверенным, что она принесла людям радость и счастье, помогла им стать духовно богаче?

«Остров Афродиты» — одна из наиболее репертуарных пьес прошлого сезона. Есть она и у свердловчан, где поставил ее режиссер П. Харлип.

Этот спектакль, как и «Иркутская история», внешне ничем не компрометирует театр. Здесь все достаточно грамот-

но. Но вот начинается одна из наиболее эффектных сцен в его пьесе — встреча двух матерей. Ламбрини Кирьякули приходит к Глории Паттерсон. Греческую патриотку играет

Е. Дальская. То, что удалось сделать актрисе, трудно описать в газетной рецензии. Подобное приходится пережить не так уж часто. Я вспоминаю лучшие трагические роли А. Бучмы, Н. Хмелева, С. Михозла и не боюсь этих сравнений: работа Е. Дальской останется в моей памяти рядом с работами этих прославленных актеров. Образ англичанки Паттерсон театр доверил опытной актрисе З. Малиновской. Но как по-разному они говорят!

Настолько по-разному, что, помимо воли автора, эта сцена становится не столько трагедийной, сколь детективной, ибо Кирьякули — Дальская предельно органична, в то время как Малиновская — Глория настолько же неискренна. Я не оговорился: неискренна актриса Малиновская, а не Глория, которую она играет. Но, так как во время сценического действия поведение актрисы воспринимается как поведение образа, который она воплощает, создается удивительно запутанная ситуация, разобраться в которой не так-то просто даже после конца спектакля.

З. Малиновская больше всего заботится о том, чтобы мы поверили в генеалогию ее Глории. Вот почему она все время изображает английскую леди и так предельно напряжена. В то время, как именно она, врожденная Паттерсон, не может чувствовать себя столь скованной в присутствии Кирьякули. Ведь Глория, встретившись вторично с греческой патриоткой, находится в очень сложном положении: теперь они равны в постигшем их горе, и Глория Парниса, может быть, впервые глядит в глаза опасности. Но этого никак нельзя сказать о Глории Малиновской, которая ни на минуту не забывает о «светском этикете».

Е. Дальская и З. Малиновская говорят на разных языках, как представляли бы различные школы актерского мастерства. Большинство других актеров, занятых в спектакле, получили право на «самоопределение». Хотя — могут изобретать и создавать интересные образы, как это делает, например, Б. Ильин в роли Уилсона. Но если им недосуг, то могут поступать так, скажем, как это делает Е. Ляхова, исполняющая роль Кэт. Актриса на протяжении всего спектакля непонятно почему мило улыбается, как будто это и есть главное в характере ее героини...

Наконец, «Потерянный сын». Обратите внимание, если «Иркутскую историю» здесь показывали «последним экраном», то новую мелодраму А. Арбузова почти «крестили» в Свердловске. Причем позвали «на крестины», что называется, самых именитых людей. А что из этого вышло? Давно так мастерски не играл Б. Ильин, но и у него есть здесь повторения. А главное — совершенно неясно, во имя чего театр поставил эту пьесу. С кем он? С Петром? С Антоном? Со Шварцем? Как это ни грустно, самым человечески крупным и потому наиболее обаятельным оказался именно Шварц. Его трагедия стала главной в спектакле Свердловского театра (надо отдать должное: театр не обратил внимания на ту удал, с какой автор в полемической задиристости определил жанр своей не лучшей пьесы). Но ведь куда значительнее стал бы спектакль, если бы в центре его оказалась судьба Петра или Антона! А Ирина? Ведь это один из немногих интерес-

ных женских образов. Но у Ирины в пьесе почти нет текста, хотя есть точный характер, который в спектакле должен родиться и жить в «зонах молчания»... Должен, но не родился. И снова получился еще один, как принято говорить, «грамотный» спектакль, но и только...

Ну, а как же быть с аншлагами? Хочется верить, что они не собьют с толку тех, кто умеет критически относиться к своей деятельности. Ну, а тем, кто эту способность утратил, ничто уж не поможет. Свердловский театр не принадлежит к числу тех творческих коллективов, где художественное кредо вырабатывается заново чуть ли не с каждого первого октября, когда после отпуска вновь поднимается занавес. Во главе этого театра по многу лет стояли замечательные мастера, которые сумели сплотить коллектив в единый ансамбль. Нет нужды снова называть здесь имена актеров, заслуженно получивших всеобщее признание. Кстати, к чести театра, большинство его прославленных мастеров и ныне еще не «обросло жирком». В труппе много талантливых людей разного возраста, есть интересные режиссеры и художники, в репертуаре почти нет «сомнительных» названий, обычными стали аншлагги... Как видите, положение почти завидное. Оно ничем особенно не отличается от нынешних дней многих известных театров Москвы и Ленинграда. Так что для особой тревоги, как будто и нет никаких оснований. А между тем опасность здесь куда большая, чем там, где пустуют кресла. Вряд ли стоит «кнутать» коллектив Свердловского театра, но правду нужно сказать сегодня, когда появились первые отчетливые признаки серьезной болезни, имя которой — благодушье. Нет, не все благополучно в вашей судьбе, уважаемые товарищи! Подумайте об этом и постарайтесь сделать так, чтобы в ваш адрес к словам «один из лучших в стране» не прибавились бы новые, обильные — «в недалеком прошлом»!

В заключение остается выразить надежду, что пафос этой статьи будет правильно понят в Свердловске. И не только там. Ведь аншлаг теперь бьют всюду. И это радует, но... Иногда аншлаг еще и успокаивает, позволяет почивать на лаврах. Вот тогда-то в настоящем театре и должна родиться тревога!

* * *

Пока статья писалась и версталась, Свердловский театр успел подготовить новые спектакли и среди них такие значительные, как «Океан» и «Четвертый». Но, во-первых, и эти пьесы были «открыты» не в Свердловске; во-вторых, те спектакли, о которых шла речь выше, не канули в вечность, они продолжают свою жизнь. И, наконец, что самое важное, ведь поднятые здесь вопросы значительно шире, они связаны с будущим любого театрального коллектива!

Б. ПОЮРОВСКИЙ.